

—

Вначале госпожа Цинь наотрез отказывалась, целыми днями плакала и скандалила.

Люди из семьи Цинь, узнав об этом, госпожа Гу и её невестка даже приехали в дом Сяо и долго причитали, жалуясь Сяо Ху.

Сяо Ху принял твёрдое решение и оставался непоколебим. Он проявил свою неразговорчивость, свойственную человеку, который долго жил в горах, и не отвечал на причитания свекрови и невестки.

Сяо Ху не хотел писать письмо о разводе, желая сохранить последнее приличие для госпожи Цинь, но видя их настойчивость, у него возникла мысль о разводе через разводное письмо.

Однако, неизвестно, осознала ли госпожа Цинь что-то или нет, но она согласилась на развод по обоюдному согласию ещё до того, как Сяо Ху успел объявить о разводном письме.

Двадцать четвёртого числа первого месяца староста Чжао и несколько уважаемых старейшин деревни пришли в дом Сяо, чтобы провести церемонию развода.

Изначально с семьи Цинь также должны были прийти два старейшины клана, но дом Цинь находился далеко, к тому же это был второй брак и развод, и старейшины клана Цинь посчитали это позором и не захотели приезжать, чтобы поддержать госпожу Цинь.

Прибыли только члены семьи Цинь. Отец Цинь либо был действительно болен и не в состоянии приехать, либо не захотел, но в любом случае его не было.

Сегодня, кроме госпожи Гу, пришли старший брат Цинь и его жена. Хоть как-то, но мужчина присутствовал.

В главной комнате две стороны сидели по разным углам. Староста Чжао зачитал вслух составленное соглашение о разводе. Хоть это и было унижительно, но в деревенских семьях большинство не умело читать, и чтобы гарантировать справедливость и понятность, его зачитывали вслух.

Ци Бэйнань слышал всё из задней комнаты. В простых семьях, где не было особой литературной культуры, соглашения о разводе или разводные письма, составленные уважаемыми людьми или старейшинами клана, обычно соответствовали формату официальных документов о браке. Хоть это и было шаблонно, но безошибочно.

После зачтения соглашения о разводе, старший брат Цинь, немного неуверенно, сказал: «С соглашением о разводе всё в порядке, но моя сестра приехала из дальней деревни Лигао в вашу деревню Гэшань. Теперь вы разводитесь и отправляете её обратно. Семья Сяо должна предоставить компенсацию».

Не дожидаясь ответа Сяо Ху, староста Чжао поспешил защитить своего односельчанина: «Госпожа Цинь, выйдя замуж за Сяо, не родила ни сына, ни дочери. Какая компенсация?»

Госпожа Гу поспешно сказала: «Говорят, что компенсация не выплачивается после трёх лет бездетности, а моя дочь прожила в доме Сяо меньше двух лет».

Староста Чжао хотел защитить Сяо Ху, но не знал причины развода и не понимал, как ему возразить.

Старший брат Цинь, видя, что возражений нет, выпрямил спину: «Мы не просим многого. Семья Сяо должна компенсировать моей сестре пять му земли. Тогда, вернувшись, она сможет прокормить себя и ребёнка».

«Пять му земли!» Староста Чжао вытаращил глаза. «Наш уезд Лин не богат, и не вся земля плодородна. Даже обычная земля стоит пять-шесть лян за му. Пять му – это двадцать-тридцать лян, этого достаточно для женитьбы на новой жене. Вы слишком много просите!»

Старейшины клана тоже покачали головой: «Нельзя. В нашей деревне нет таких правил. Поскольку Сяо Ху предложил развод, женщина из семьи Цинь может забрать всё своё приданое».

Старший брат Цинь и госпожа Гу не соглашались. Когда госпожа Цинь выходила замуж, они потребовали пятнадцать лян в качестве выкупа. Приданое состояло из одного ватного одеяла весом три цзиня. Три цзиня хлопка стоили немало, больше двух лян, но этот хлопок был старым, его переработали в магазине, и он стоил всего один лян.

Кроме этого, ничего не было. Если забрать только приданое, какая разница между этим и уходом с пустыми руками?

«Если семья Сяо не даст компенсацию, моя сестра не поставит свою подпись на соглашении о разводе!» — старший брат Цинь выпятил шею. Он имел дело с игорными домами и, когда терял лицо, становился совсем непохожим на честного крестьянина.

«Не думайте, что если вас много, вы можете нарушать правила».

В этот момент Сяо Ху, который всё время молчал, наконец заговорил:

«Я не говорю, в чём провинилась госпожа Цинь, чтобы сохранить тебе лицо. Но если вы будете

продолжать скандалить, тогда соглашение о разводе станет разводным письмом. Я приглашу официальную сваху, чтобы она вынесла решение».

Госпожа Цинь, услышав это, изменилась в лице. То, в чём она была виновата, в лучшем случае было мелочностью, но в худшем – завистью и сплетнями. Это были два из семи пунктов, по которым мужчина мог развестись с женой.

Если официальная сваха придёт и обнаружит, что это так, и Сяо её бросит, то, хотя в настоящее время и распространена практика повторного брака, ей будет трудно найти нового мужа.

Госпоже Цинь было за тридцать, она была красива и находилась в самом расцвете сил. Она не планировала жить как вдова после ухода из семьи Сяо.

Видя, что Сяо Ху ужесточил своё поведение, она поняла, что он действительно рассердился и способен пригласить официальную сваху.

Поэтому, не дожидаясь, пока её бессовестный брат продолжит скандалить и испортит ей репутацию, она стиснула зубы, встала, окунула большой палец в красную тушь и поставила отпечаток на письме о разводе.

«Я согласна с мнением старейшин клана».

Семья Цинь опешила, увидев такой поступок госпожи Цинь.

Старший брат Цинь прямо выругался: «Глупая! Это же развод и раздел имущества, зачем ты так торопишься!»

Госпожа Цинь молчала. У неё были другие планы и выходы. Она сдержала гнев и не стала спорить с братом, но и не боялась его.

Отпечаток пальца уже был поставлен, и скандалить было бесполезно. Дальнейшие действия могли привести только в суд. Поэтому, хотя старший брат Цинь был недоволен, он вынужден был заткнуться в гневе.

Сяо Ху, увидев это, быстро поставил свой отпечаток пальца.

С этого момента они перестали быть супругами.

Ци Бэйнань, видя, что Сяо Ху не удовлетворил необоснованные требования семьи Цинь, почувствовал облегчение.

Затем Сяо Ху подсчитал деньги, которые он передал госпоже Цинь. Ци Бэйнань вёл подсчёт, и госпоже Цинь пришлось вернуть почти десять лян.

Ци Бэйнань предполагал, что было больше, но деньги, которые были переданы другим, было трудно подсчитать. Впрочем, не должно было быть слишком много, так как семья Сяо не была богатой.

Даже если госпожа Цинь что-то утаила, он не хотел считать это, ведь они были супругами. Кроме того, госпожа Цинь уходила с ребёнком. Вдове с ребёнком будет нелегко, и не нужно было поступать слишком жестоко.

В конце концов, когда семья Цинь забрала госпожу Цинь, она унесла только один свёрток старых ватных одеял.

На спине Ван Чао тоже был свёрток с его одеждой. Он шёл за спиной госпожи Гу, оглянулся и увидел Сяо Юаньбао, стоящего во дворе. Его лицо было особенно бледным на фоне его нового ватного пальто цвета «воды и облаков».

Ван Чао, даже если он был глуп, понял, что они с матерью уходят из дома Сяо навсегда, как это было раньше с домом Ван.

Думая о том, что ему придётся вернуться к бабушке и есть только суп из редьки без мяса, он почувствовал, как трудна жизнь, и ещё больше разозлился, что Сяо Юаньбао может есть так много мяса и носить новую одежду.

Видя, как Сяо Юаньбао машет ему рукой, прощаясь, он почувствовал это как открытое хвастовство. Ван Чао злобно посмотрел на него, развернулся и побежал за госпожой Гу.

«Брат, госпожа Цинь и Чао гер снова ушли в дом бабушки Гу?»

Сяо Юаньбао не понимал, поднял голову и посмотрел на Ци Бэйнаня: «Почему они выглядят такими недовольными? Я им махал».

Сяо Ху услышал слова Сяо Юаньбао, подошёл к ребёнку и присел: «Потому что впредь... госпожа Цинь и Чао гер не вернуться».

«Почему?!»

Сяо Юаньбао был удивлён. Раньше они всегда возвращались.

Сяо Ху не знал, как объяснить ребёнку про развод, но считал нужным сообщить ему, что госпожа Цинь и Ван Чао больше не вернуться в этот дом, чтобы он не скучал.

Он молчал, не желая говорить, что госпожа Цинь ушла потому, что плохо к нему относилась. Ребёнок не поймёт, а только почувствует вину.

«Сяо Бао ещё слишком мал, чтобы понять».

«Если ты всё ещё будешь помнить о них, когда подрастёшь, то узнаешь. Если забудешь, то ничего страшного. Мы с папой тебе потом расскажем, хорошо?»

Ци Бэйнань, заметив замешательство Сяо Ху, помог ему сгладить ситуацию.

Вероятно, поэтому Ци Бэйнань не хотел говорить плохо о госпоже Цинь перед Сяо Юаньбао. Он хотел, чтобы в сознании Сяо Бао было, что его любят, чтобы он был беззаботным в юном возрасте, меньше испытывал обиды и не думал, почему его не любит госпожа Цинь.

Сяо Юаньбао кивнул, не до конца понимая.

«Брат всегда будет здесь. Даже если госпожа Цинь и Чао гер не вернуться, и папа уйдёт в горы, Сяо Бао не будет один».

Ци Бэйнань выразил все опасения Сяо Юаньбао, не давая ему самостоятельно волноваться.

Сяо Юаньбао, услышав эти слова, снова обрадовался и, улыбаясь, ответил: «Угу».

Сяо Ху, увидев это, выдохнул и невольно пожал плечо Ци Бэйнаня.

На самом деле, он понял, что если бы Ци Бэйнань не пришёл в дом, он бы всё ещё находился под обманом госпожи Цинь, не зная, когда бы он раскрыл правду.

Если бы Ци Бэйнаня не было дома, и он бы узнал о лице госпожи Цинь, он вряд ли смог бы так решительно развестись с ней.

Он беспокоился, что за Сяо Бао некому будет присмотреть, но если бы он оставил госпожу Цинь, доверие было бы утеряно, и он всё равно не смог бы спокойно спать.

Но с появлением Ци Бэйнаня, хотя он и был молод, Сяо Ху видел, что он был внимательным, осторожным и знающим человеком, с которым не могли сравниться многие пожилые жители деревни.

Благодаря тому, что он мог присмотреть за Сяо Бао, он смог так легко разорвать отношения с госпожой Цинь.

Теперь, когда большое дело было решено, он почувствовал облегчение, хотя было жаль, что весь праздник был нарушен семьёй Цинь.

Так прошло ещё несколько дней.

Во втором месяце погода была ещё холодной, и было трудно снять ватные пальто утром и вечером, но дни были солнечными. Нежная трава густо росла на полях.

На солнечной стороне фруктовые деревья уже зацвели белыми цветами размером с палец.

В этот день рано утром подошла бабушка Сунь поговорить с Сяо Ху и пригласить всю семью прийти к ним вечером на ужин с вином.

Недавно в доме было беспокойно, и Сяо Ху просил Ци Бэйнаня отвести Сяо Юаньбао к семье Фан, чтобы ребёнок не видел, как люди из семьи Цинь устраивают скандалы.

Поэтому Сяо Ху быстро согласился и сказал, что сам принесёт немного вина.

Бабушка Сунь попросила его не беспокоиться и приходить с пустыми руками, сказав, что Фан Юлян всё приготовил.

После обеденного сна Сяо Юаньбао, узнав, что они идут есть в дом Фан, поспешил пойти и поиграть с двумя детьми.

Ци Бэйнань сначала отвёл его в дом Фан.

«Сяо Бао пришёл!»

Когда они подошли ко двору семьи Фан, они увидели, как вторая сестра Фан и третий гер Фан готовят овощи на каменном мосту во дворе.

Увидев Сяо Юаньбао и Ци Бэйнаня, они сразу же улыбнулись и поздоровались.

Второй сестре Фан было уже тринадцать, а третий гер Фан был того же возраста, что и Ци Бэйнань, но был старше его на несколько месяцев.

Однако семья Фан жила бедно, и дети были худыми и маленькими, выглядя намного моложе своего возраста.

По правилам, они оба были старше Ци Бэйнаня, но Ци Бэйнань был не только крупнее, но и имел более сильную ауру.

Обычно он разговаривал со старшим братом Фан, Фан Юляном, что вызывало у этих двух детей большое уважение к Ци Бэйнаню. Они не считали его младшим.

Вторая сестра Фан выглядела очень тихой и застенчивой, но говорила приятно. Узнав, что Ци Бэйнань учёный, она называла его «маленький учитель Ци» и учила третьего гера тоже так его называть.

«Заходите во двор! Сегодня мы зарезали утку! Позже Сяо Бао съест большую утиную ножку!»

Бабушка Сунь, которая присела на корточки и обдавала утку кипятком, чтобы выщипать перья, была рада, что Сяо Юаньбао и Ци Бэйнань пришли так рано.

«Ой, мой хороший мальчик, почему у тебя такие взъерошенные волосы?»

Сяо Юаньбао, поздоровавшись со второй сестрой и третьим гером, побежал к бабушке Сунь, чтобы посмотреть, как она выщипывает утиные перья, и сам захотел помочь.

Бабушка Сунь посмотрела на маленького мальчика. Его тонкие волосы торчали вверх, а некоторые прилипли к затылку. Он был таким милым.

«Хороший малыш, позови вторую сестру, пусть она тебе расчешет волосы. Не щипли утку, можешь обжечься. Твоя вторая сестра очень красиво причёсывает».

Ци Бэйнань сказал: «Он только что проснулся и сразу захотел прийти поиграть».

Бабушка Сунь, увидев, как вторая сестра ведёт Сяо Юаньбао в дом, тихо сказала Ци Бэйнаню:

«Я понимаю. Нам, своим людям, кажется, что ребёнок с такими волосами милый, но если те сплетники в деревне увидят, они снова заведут свою шарманку: мол, бедный ребёнок, у которого нет матери, какой он неряшливый, и какой у него бардак на голове. Госпожа Цинь только что ушла, и такие слухи нехороши. Ребёнок расстроится, да и твоему дяде Сяо тоже будет неприятно».

Ци Бэйнань внимательно кивнул: «Бабушка Сунь очень внимательна. Это моя оплошность».

Бабушка Сунь улыбнулась: «Глупый ребёнок, это не твоя вина. Ты же мужчина, ты не разбираешься в таких вещах. Впредь я попрошу вторую сестру научить Сяо Бао самого причёсываться. У геров причёска простая, он быстро научится».

«Да».

Бабушка Сунь не зря хвалила свою дочь. Пальцы второй сестры Фан были действительно ловкими. Меньше чем за пятнадцать минут она привела в порядок взъерошенную голову Сяо Юаньбао.

Она разделила волосы на две части и заплела два маленьких «бараньих рога», что выглядело очень мило и озорно.

Когда Ци Бэйнань привёл Сяо Юаньбао в дом, он заметил, что у двух детей семьи Фан были очень аккуратные причёски.

Хотя их одежда была простой и заплатаанной, хорошо причёсанные волосы придавали им жизнерадостный вид.

Сяо Юаньбао с радостью подбежал к Ци Бэйнаню и сказал: «Вторая сестра ещё намазала мне волосы маслом, пахнет османтусом!»

Ци Бэйнань подыграл, принялся: «Ммм, очень ароматно. Сяо Бао, ты поблагодарил вторую сестру?»

«Поблагодарил!»

Сяо Юаньбао громко сказал: «Поблагодарил её в комнате».

Вторая сестра Фан слегка улыбнулась и сказала: «Это масло из горного османтуса, которое я сделала осенью. Оно не такое хорошее, как городское. У третьего гера волосы очень жёсткие, и даже когда их заплетаете, они торчат, приходится мазать маслом, чтобы было гладко. Твои же, Сяо Бао, тонкие и мягкие, их легко расчёсывать. Я просто немного нанесла на расчёску, чтобы был запах».

Ци Бэйнань, глядя на немного желтоватые волосы Сяо Юаньбао, подумал, что они действительно мягкие и гладкие, но... их было маловато.

Он вспомнил, что раньше некоторые люди жаловались, что это он постоянно вырывает волосы, и парикмахеры не хотят его причёсывать.

Глядя на это сейчас, у него явно мало волос с детства.

Он сдержал улыбку и пошёл в комнату поговорить со стариком.

Вечером из кухни доносился аромат тушёной утки. Фан Юлян вернулся из города.

Он принёс много вещей: вяленую рыбу в рисовом вине, полкило жареных лёгких, килограмм тушёного мяса, двенадцать лепёшек с пастушьей сумкой и солёным мясом.

Кроме того, дома тушили утку с сушёными побегами бамбука и маринованной редькой, и готовили омлет с утиными яйцами и листьями цедрелы.

На столе было полно блюд.

Сяо Ху удивился: даже на Новый год семья Фан не ела так хорошо.

«Я не помню, чтобы сегодня был какой-то большой праздник?»

Семья Фан действительно ела хуже на Новый год, чем сегодня. Но они пережили и более трудные времена, поэтому этот год не казался плохим.

Фан Юлян с улыбкой вынес кувшин с вином: «Старший брат Сяо, у тебя плохая память. Ты забыл о таком большом празднике».

«Что за праздник? Тётя Сунь сказала мне приходить с пустыми руками, и я действительно пришёл с пустыми руками».

Сяо Ху увидел, что Фан Юлян держит его в напряжении, и забеспокоился, что действительно забыл о важном празднике, например, о дне рождения.

Ци Бэйнань помогал раскладывать палочки для еды и улыбнулся: «Дядя Сяо не помнит, а я помню, что сегодня за день».

Фан Юлян похлопал Ци Бэйнаня по плечу: «Только ты, Сяо Ци».

В день Малого Нового года Фан Юлян отправился в уездное правительство с объявлением о найме, как вор. Он боялся потерять важный пропуск, и никогда не был в уездном правительстве. Он очень нервничал и не знал, что делать.

Он также смутно волновался, что объявление окажется не на такую хорошую работу, как сказал Ци Бэйнань.

Но он увидел, что людей, пришедших в правительство с объявлениями, было много. Он поговорил с одним из них, получил подтверждение, и его сердце успокоилось.

После регистрации в правительстве его сразу же отправили на работу. Некоторых отправили ремонтировать городскую стену, некоторых – на ремонт внутри правительства. Позже он узнал,

что в начале года должен был приехать чиновник из префектуры для инспекции, и уездный начальник в спешке хотел привести всё в порядок.

Из-за нехватки времени они нанимали дополнительных рабочих.

На сегодняшний день работа в городе была закончена, и казначейство выплатило зарплату рабочим.

Он проработал двадцать пять дней, получил два ляна и пятьсот вэней, а также двадцать пять литров риса.

Фан Юлян заранее сказал своей семье, что когда ему выплатят зарплату, он хочет приготовить хороший ужин и пригласить Сяо Ху и Ци Бэйняня.

Вся семья Фан согласилась. Во-первых, это была работа, найденная для них. Во-вторых, Сяо Ху столько лет помогал им, приглашая на хорошую еду, а сами они редко кого приглашали. Это была хорошая возможность отблагодарить их.

Так появился сегодняшний стол с блюдами и вином.

Фан Юлян был очень внимателен: он купил вино, а также два больших кувшина сладкой воды для Ци Бэйняня и Сяо Юаньбао, а также для своих младших гера и сестры, которые не пьют вино.

Он улыбался и рассказывал всем о хороших вещах, которые он делал в городе:

«Я слышал, как люди, работавшие со мной, говорили, что некоторые работали на правительство два раза, а некоторые четыре или пять! Я был новичком, пришёл впервые. Всё дело в связях и информации городских жителей».

«Я думал, что пришёл поздно и ничего не знаю. Я был неразговорчивым. Когда они узнали, что я крестьянин, они не хотели со мной говорить. Боясь потерять работу, я старался меньше говорить и больше работать. День проходил нормально. Жаль, что за столько дней работы я ни с кем не познакомился».

«Но сегодня, когда я получал зарплату, старший брат Сяо, ты знаешь, что случилось?»

Сяо Ху, выпивая вино, внимательно слушал рассказ Фан Юляна и спросил: «Что случилось?»

«Наш бригадир, работник из ремесленного управления по фамилии Лю, живёт в переулке Фэйюй. Сегодня, когда мы расходились, он позвал меня одного, спросил моё имя и место жительства, и сказал, что будет искать меня, если снова будет работа!»

Сяо Ху, удивлённый, поднял бровь: «Правда?»

Фан Юлян до сих пор был рад: «Конечно, правда. Если бы он не искал меня, как бы я узнал, в каком переулке он живёт?»

Ци Бэйнань также обрадовался за Фан Юляна.

Он молод, силен, честен и трудолюбив. Начальник заметил это и, конечно, захотел нанять его снова.

На работу в уездном правительстве влияют связи, но не полностью. Всегда нужны те, кто действительно работает.

Вся семья Фан была рада такой хорошей новости.

Бабушка Сунь понимала, что такая возможность появилась благодаря Сяо Ху и Ци Бэйнаню, и была очень благодарна.

Она налила вино Сяо Ху, а Ци Бэйнаню и Сяо Юаньбао положила еду.

«Я сам возьму, бабушка. Эта утка так хорошо протушена».

Ци Бэйнань даже взял миску утиного супа. Он был слегка кислым, но свежим, очень аппетитным.

«Старуха не умеет готовить хорошие блюда, только тушить утку мне удаётся. Ешь побольше, если тебе нравится. Суп из старой утки очень полезен».

Все в доме чувствовали, что у них появилась надежда на будущее, и были рады. Даже дедушка Фан, лежавший на кане, был счастлив и съел две большие миски мяса и овощей.

Ночью Ци Бэйнань нёс Сяо Юаньбао на спине домой.

После ужина он заметил, что Сяо Ху стал более открытым. Тучи печали на его лице рассеялись.

Хотя Сяо Ху молчал в последние дни, Ци Бэйнань чувствовал, что у него было плохое настроение из-за госпожи Цинь.

Он не жалел о том, что выгнал её, но такое количество неприятностей, происходящих одна за другой, было тяжело для его сердца. Это были нормальные эмоции для любого человека.

Вероятно, после вина и откровенного разговора с Фан Юляном, видя, что у такой бедной семьи, как семья Фан, появилась надежда, он вдохновился, и недовольство в его сердце рассеялось.

Бледный месяц был скрыт облаками, но ветер разогнал их, и яркий лунный свет пролился на двор.

Ци Бэйнань вышел из комнаты Сяо Юаньбао, посмотрел на лунный свет во дворе, поднял голову к луне и слегка улыбнулся.

Раз тучи рассеялись, пора готовиться к новой жизни.

—

<http://bllate.org/book/14487/1282057>